

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ОБ ИСХОЖДЕНИИ СВ.ДУХА ОТ ОТЦА И СЫНА («ФИЛИОКВЕ»)

Учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына — второе по значимости после учения о власти папы над Церковью вероучительное положение, отделяющее католицизм от Православия. В отличие от исповедуемого православными Символа веры, провозглашающего исхождение Св. Духа только «от Отца» (верую... «в Духа Святого... от Отца исходящего»), у католиков в текст восьмого члена добавлено «и Сына», что вносит в Символ искажение, имеющее глубинный догматический смысл. По-латыни слова «и Сына» звучат как «filioque» («филиокве»). Этот термин получил широкое распространение для обозначения учения об исхождении Св. Духа от Отца и Сына.

Догматическая сущность учения о «филиокве»

Символ веры как краткое исповедание того, во что верит Церковь, занимал в жизни Христовой Церкви и продолжает занимать поныне исключительно важное значение.

Исторически Символ веры возник из приготовления оглашенных, то есть новообращенных, готовящихся ко вступлению в Церковь, к таинству Крещения. Каждый крещаемый должен был прочесть его и тем самым выразить свою веру. Члены, то есть составляющие части Символа, имели двойное значение: с одной стороны, указывали истину Откровения, которую верующие должны были принимать за догмат веры, а с другой — предохраняли их от какой-либо ереси, против которой были направлены.

Слово «символ» греческое, в переводе оно означает «то, что соединяет, собирает, держит вместе». Символ веры именно «содержит» все те истины, которые, как знает и верит Церковь, необходимы для человека, для полноты его жизни во Христе, для спасения от греха и духовной гибели,

В первые три века у каждой значительной Поместной Церкви Иерусалимской, Александрийской, Кесарийской, Антиохийской, Римской, Аквилейской был свой крещальный Символ веры. Будучи сходны между собой по духу как выражение единой и неразделимой веры, они различались по букве, имея почти каждый особенности, связанные с опровержением тех или иных заблуждений, бытовавших в тех местах, где тот или иной символ употреблялся. Из числа этих Символов наиболее известен и авторитетен поныне Символ святителя Григория Чудотворца, ученого епископа III столетия, излагающий учение о личных свойствах и совершенном равенстве всех Лиц Пресвятой Троицы.

В Начале IV в., когда получила широкое распространение арианская ересь, подрывавшая самые основы христианского вероучения через признание Сына Божия только творением, и когда еретики начали издавать собственные символы по образцу православных, возникла общецерковная необходимость составить единое вероопределение. Эта задача была выполнена на I Вселенском СобоРе (325) в Никее, который издал свой орос — свое послание догматического характера. В этот орос, составленный на основе древних крещальных символов Кесарийской или Иерусалимской Церкви, была внесена формулировка о единосущии Сына с Отцом. Вот его текст:

«Веруем во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимого и невидимого. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, рожденного от Отца, едиnorodного, то есть из сущности Отца, Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через Которого все произошло как на небе, так и на земле. Нас ради человек и нашего ради спасения сошедшего и воплотившегося, вочеловечившегося, страдавшего и воскресшего в третий день, восшедшего на небеса и грядущего судить живых и мертвых. И в Святого Духа».

Символ веры, которым Православная Церковь пользуется по сегодняшний день, первоначально был одним из выражений этой «Никейской» веры (специфической особенностью этого изложения Никейской веры было детально разработанное исповедание Божественности Христа), составленный после 370 г. из крещальных антиохийско-иерусалимских Символов. Затем литургический Символ был уточнен и принят отцами II Вселенского Собора (381) в Константинополе (Царьграде). Таким образом, за ним утвердилось название Никео-Цареградского (или Никео-Константинопольского) Символа веры.

Впоследствии этот Символ веры распространился по всем Церквам Востока и Запада. Наконец III Вселенский Собор (431) постановил своим 7-м правилом, чтобы этот Символ оставался навеки неприкосновенным: «Не позволять никому ни произносить, ни писать, ни сочинять иную веру...»

Существенно отметить, что в порядке молчаливой практики Никео-Цареградский символ принимается и в удалившихся, и в оторвавшихся от Вселенской Церкви — Церквах монофизитских и несторианских. На протяжении более чем полутора тысяч лет никео-цареградское исповедание является поистине Вселенским Символом веры, который поется или читается на каждой литургии, а все более поздние исповедания веры, догматы и символические тексты были призваны толковать его, охранять от заблуждений и по мере необходимости раскрывать его смысл.

В наши дни для Православной Церкви Никео-Цареградский Символ веры является и таким же современным и жизненным, как и в период Вселенских Соборов, обязательным для всех верующих, не могущим быть измененным или дополненным иначе чем гласом всей Полноты церковной, то есть на Вселенском Соборе. Исповедуемое Православной Церковью учение об исхождении Св. Духа от Отца восходит к истине, утверждаемой Священным Писанием. Господь Иисус Христос засвидетельствовал в прощальной беседе с учениками: «Дух Истины, Иже от Отца исходит» (Ин. 15, 26). Именно эта вера в исхождение Св. Духа только от Отца была провозглашена Вселенской Церковью в Никео-Цареградском Символе веры. Несколько расширяя текст Символа согласно учению святых отцов, можно сказать так: Церковь учит, что Дух Святой единосущен Отцу и Сыну, то есть обладает (не присваивая ее себе) той же сущностью, что и Отец, и Сын, что Он исходит от Отца, то есть получает Свое ипостасное бытие от Него одного, и почивает на Сыне, Сыном посылается в мир («Дух Утешитель, его же Аз пошлю вам от Отца»), чрез Сына преподается нам в Церкви и справедливо именуется как Духом Отца, так и Духом Сына.

Принятое Римско-католической церковью учение о двойном предвечном исхождении Св. Духа и Отца и Сына возникло на Западе. Корни этого учения можно найти у блаженного Августина (V в.), который, подчеркивая единство Божественной Сущности, общей всем Лицам Святой Троицы, склонен был умалять значение личного свойства Отца и Тройческое единоначалие, осуществляемое одним Отцом. Термин «филиокве» впервые был внесен в Символ веры в Испании в VI столетии, а к VIII в. он распространился в державе франков.

Окончательное формирование учения о «филиокве» Римско-католическая Церковь завершила в XV столетии, тем не менее, наиболее глубокой среди святых отцов Церкви следует признать, оценку догматических основ этого учения, данную патриархом Константинопольским святителем Фотием в его Окружном послании (867). На сформулированных им доводах основана в значительной мере вся последующая критика этого учения. Фотий приводит четыре группы аргументов против «филиокве». Первую группу он выводит из идеи единоначалия Св. Троицы. «Filioque вводит, — пишет св. Фотий, — в Троицу два начала: для Сына и Духа - Отца, и еще для Духа - Сына. Этим единоначалие Троицы разрешается непосредственно в двубожие, а в дальнейших выводах и в многобожие.. Именно, если Отец является причиной Сына, а Сын вместе с Отцом есть причина Духа, то почему и Духу не произвести четвертое Лицо, а этому четвертому —

пятое и так вплоть до языческого многобожия», то есть здесь используется сведение к абсурду. «По отношению к Лицу Св. Духа — пишет Фотий далее, — получается следующий неприемлемый вывод: как возводимый к двум причинам, Дух Святой должен быть сложным» (в противоположность общецерковному учению о простоте Божества — *М. К.*). Вторая группа доводов вытекает из анализа качественной стороны исхождения Духа Святого от Отца. «Если это исхождение совершенно (а оно совершенно, ибо Бог совершенный от Бога совершенного — *М. К.*), то исхождение от Сына излишне и напрасно, ибо ничего не может привнести в бытие Духа. Исхождение Духа от Сына может быть или тождественным с нахождением от Отца, или ему противоположным. Но в первом случае обобщились бы личные свойства, только благодаря которым Троица и познается как Троица, во втором же случае перед нами оживают ереси Манеса и Маркиона. Как известно, Манес — это родоначальник доктрины, называемой манихейством, а Маркион — представитель еретиков-гностиков. Объединяет их обоим дуализм, то есть признание двух начал (светлого и темного), равноправно лежащих в основе бытия мира. Святитель Фотий вспоминает здесь эти ереси потому, что если признать довод, что исхождение от Сына является противоположным исхождению от Отца, то, значит, и свойства его должны быть противоположными. Если исхождение от Отца обладает всей полнотой светлых, Божественных совершенств, то исхождение от Сына, как противоположное, должно обладать прямо противоположными характеристиками, то есть в существо Божие вводятся два начала — наряду с началом светлым и начало темное. Вывод явно неприемлемый, принуждающий отбросить и саму посылку — учение о «филиокве».

Третья группа возражений построена на том, что «филиокве» нарушает количественную гармонию личных свойств трех Ипостасей и этим ставит Лица (или Ипостаси) в неординарную близость друг к другу. Личное свойство Сына — рождение от Отца. Свойство Духа Святого — исхождение от Отца. Если же говорят, что Дух исходит и от Сына, то тогда Дух будет отличаться от Отца большим числом личных свойств, чем Сын. И, следовательно, будет отстоять от существа Отца далее, чем Сын, что ведет к ереси Македония. Ересь Македония, или духоборчество, заключается в том, что Ипостась Духа Святого ставилась в подчиненное положение по отношению к Ипостаси Отца. Эта ересь была разновидностью, вернее дальнейшей модификацией арианства. Ариане ставили в подчиненное положение Ипостась Сына Божия. Эта I ересь была осуждена на I Вселенском Соборе (325), а духоборчество было осуждено на II Вселенском Соборе (381). И Фотий указывает, что доводы «филиокве» приводят к возрождению этой ереси.

Четвертую, последнюю, группу возражений святитель Фотий выводит из противопоставления общих и личных свойств Святой Троицы — исхождение Духа от Отца и Сына не может быть отнесено ни к общим, ни к личным свойствам. «Если изведение Духа есть общее свойство, то оно должно принадлежать, и Самому Духу, то есть Дух должен исходить и от Самого Себя, быть и причиной, и произведением этой причины». Святитель Фотий пишет, что этого не измышляли и языческие мифы, имея в виду, что это очевидное внутреннее противоречие. Далее, если это личное свойство, то какого из Лиц? «Если скажу, что это свойство Отца, то они (латиняне — *М. К.*) должны отказаться от своего нового учения», так как если это личное свойство Отца, то нужно просто зачеркнуть «филиокве» и принять Символ веры таким, каким он был до этой вставки. «Если это свойство Сына, то почему они не открыли, что не только признают за Сыном изведение Духа, но отнимают таковое у Отца?» Здесь святитель Фотий хочет подчеркнуть, что неприемлемо оперировать внутритроичными свойствами как некими логическими категориями, то есть взять и переносить произвольно, в угоду тому или иному богословскому или окологословскому мнению, понятия исхождения от одной ипостаси к другой. Он пишет, что если пойти таким путем, то можно утверждать, что не Сын рождается от Отца, но Отец от Сына. Вывод он делает такой: «Но если нахождение

Духа не может быть признано ни общим, ни личным свойством, тогда в Троице и вовсе нет исхождения Святого Духа».

Вот эти аргументы, приведенные святителем Фотием, конечно же, в целом нелегки для восприятия. Но важно вникнуть в них и воспринять их со всей серьезностью. Именно потому что догматическое переживание Православной веры должно быть основой благочестия и аскетики, в полемике с западными исповеданиями не следует опираться на факты исторической несправедливости, привнесенные католиками или протестантами по отношению к православным, или, например, личной нечистоты представителей западных исповеданий, в частности римских пап. Нужно исходить из догматической неправоты, коренящейся в инославии. А аргументы, приводимые святителем Фотием, как раз и свидетельствуют о его очень глубоком догматическом осознании губительных последствий «филиокве».

В последующие за пресловутым делом Фотия годы учение с «филиокве» неоднократно было предметом споров между католическими и православными богословами.

В годы, последовавшие за униатским II Лионским Собором (1274), когда святоотеческие тексты искажающе истолковывались латинофилами, Константинопольский патриарх Григорий II Кипрский (1283—1289) хорошо уточнил их значение: «Дух имеет Свое совершенное бытие от Отца, Который есть единственная причина, из которой Он исходит вместе с Сыном, Своим, свойственным Ему способом, являясь одновременно чрез Сына, чрез Него при Нем воссиявая, так же, как свет исходит от солнца вместе с лучом, сияет и является через него и при нем и даже от него.» Ясно, что когда некоторые говорят, что Дух Святой исходит от обоих, то есть от Отца и Сына, или от Отца через Сына, или что Он является, или воссиявает, или происходит, или существует из сущности обоих, то все это не значит, что они исповедуют, что бытие Духа Святого происходит от Сына так же, как Отца... Действительно, ведь и вода, которую черпают из реки, существует из нее; так и свет существует из луча. Но ни тот, ни другая (то есть ни свет, ни вода) не имеют причиной своего бытия эти две вещи (луч или реку). Действительно, вода существует из источника, из которого она изливается, существуя; а свет существует от солнца, откуда он, получая свое сияние, светится вместе с лучом и через него происходит». В XIV веке дальнейшее развитие учения об исхождении Святого Духа сделал свт. Григорий Палама в «Письме к Акиндину», известному противнику свт. Григория в учении о нетварных энергиях. Это письмо переведено на русский язык (был древне-славянск. перевод), о нем много писал покойный протопресвитер Иоанн Мейендорф. Согласно свт. Григорию Паламе «Святой Дух, как Ипостась, исходит только от Ипостаси Отца, единственного источника Божества. Но деятельность Святого Духа, энергия, исходит и от Отца, и от Сына, и от Него Самого, как единое выражения деятельности Божественной сущности. Нетварный свет есть свет Святого Духа, воссияние его от Сына есть Откровение Сына. А к кому в вечности обращено это сияние? К Отцу», И здесь в православном контексте он повторяет слова Августина о том, что Дух Святой есть любовь Отца и Сына, их единящая. В таком энергетическом понимании этих слов они будут вполне православными.

Роль учения о «филиокве» в процессе разделения церквей

В историческом плане разногласие Востока и Запада по поводу учения о «филиокве» имело длительное и сложное развитие, сыгравшее немаловажную, если не решающую, роль в процессе разделения Церквей и их дальнейших взаимоотношений.

Возникнув в V столетии, это учение далеко не сразу получило признание даже среди иерархов Западной Церкви. Решительно воспротивился влиянию добавления в Символ веры, например, папа Лев III (795—816), несмотря на настойчивое давление

императора Карла Великого. В доказательство своей лояльности папа повелел начертать на двух серебряных досках текст Символа веры без слов «и Сына» на греческом и латинском языках и установить эти доски в соборе св. Петра в Риме, сопроводив надписью: «Я, папа Лев, сделал это по любви к православно́й вере и ради сохранения ее». Такова была тогда позиция Римского епископа, еще не ставившего себя выше Вселенской Церкви.

Однако со второй половины IX столетия римские папы начинают однозначно поддерживать измененный Символ веры. Наряду с другими причинами, именно учением о «филиокве» был вызван раскол между Востоком и Западом при патриархе Константинопольском Фотии. Для предотвращения его дальнейшего развития в 879 г. в Константинополе состоялся так называемый Великий Свято-Софийский Собор, прямо осудивший внесение каких бы то ни было добавлений в Символ веры. Занимавший в то время папский престол Иоанн VIII выразил при этом согласие с патриархом Фотием. Римская Церковь некоторое время считалась с определением этого Собора. Но в начале XI в., когда Рим и папский престол оказались во власти германского императора, последний, движимый антивизантийскими настроениями, все же побудил папу Бенедикта VIII внести добавление в Символ веры (1014). Когда в 1054 г. состоялось формальное разделение Западной и Восточной Церквей, легат папы Льва IX в Константинополе уже обвинял греков в том, что они будто бы устранили слова «и Сына» из текста Символа веры. Собор в Бари (1098) под председательством папы Урбана II также объявил отказ от «филиокве» ересью. Окончательное учение о «филиокве» было сформулировано и догматизировано католиками в 1438 г. на печально известном Ферраро-флорентийском Соборе, провозгласившем унию, то есть присоединение Восточных Церквей к римскому католицизму на условиях последнего. Эту унию подписал, среди прочих, митрополит Исидор Киевский, который был изгнан затем из Москвы и закончил свою жизнь кардиналом Римско-католической церкви. В дальнейшем усилия сторонников унии были направлены то, чтобы убедить православных, что древние святоотеческие формулировки выражают «филиокве», но только в других терминах. Таким образом, отрицание его после провозглашения догматом должно было расцениваться как ересь. Перед лицом таких попыток православные богословы неустанно утверждали, что в глазах всего Предания (вне августиновского и латинского наследия) Сын никоим образом не является причиной ипостасного бытия Святого Духа, и что это различие касается самых основ веры. Именно это общее сознание Церкви выражало Окружное послание восточных Патриархов (1848):

«...Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь ныне вновь возвещает соборно, что сие нововводное мнение, будто Дух Святой исходит от Отца и Сына, есть сущая ересь и последователи Его, кто бы они ни были, еретики. Составляющиеся из них общества суть общества еретические и всякое духовное богослужбное общение с ними православных чад Соборной Церкви — беззаконие». Глубинная причина отрицания православными богословами «филиокве» состоит в том, что учение это частное, принадлежащее блаженному Августину к происшедшей от него традиции, чуждой общему учению отцов Древней Церкви, и никогда не было принято церковной полнотой. Оно никогда не входило в сокровище веры, передаваемое Церковью, критерий которого, согласно св. Викентию Леринскому, есть то, «чему верили всегда, повсюду и все».

Чтобы возвести частное учение Августина в догмат веры, потребовалось заменить этот общепризнанный критерий другой, уже явно неправославной экклезиологической доктриной, ставящей папу римского выше Вселенских Соборов, выше самой Вселенской Церкви.

В конце XX столетия наметилась некая тенденция к более сдержанному восприятию *filioque* самими католиками; в 1996 году папский Совет по вопросам христианского единства издал циркуляр, одобренный папой Иоанном Павлом II, согласно которому триадология, в частности учение о Святом Духе, должна пониматься и трактоваться так, чтобы она не противоречила учению древних Восточных отцов. Это,

конечно, довольно большая подвижка. А с другой стороны мы должны ждать и большего; и не только провозглашение возможности этих двух трактовок: филиоквистской и нефилиоквистской, а отказ от *filioque* как от богословской доктрины, как от догмата католической веры, позволит считать этот вопрос снятым, как вопрос, разделяющий Восток и Запад, Православие и католичество.